

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2024. Том 28, № 4
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.1/.8

ББК 80

DOI 10.18522/1995-0640-2024-4-70-82

МЕТАЗЫК – МЕТАТЕКСТ – МЕТАДИСКУРС: ОТ ТЕРМИНА К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ЛАНДШАФТУ

Михаил Александрович Кравченко

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В современной лингвистике фиксируется интерес к изучению феномена рефлексии. Актуальность исследования определяется совокупностью познавательно-эвристического, эмпирического и терминологического факторов. В работе уточняется значение терминов *метазык*, *метатекст*, *метадискурс*, устанавливаются исследовательские и методологические контексты их употребления, выявляются закономерности между использованием термина и эмпирической базой исследования (языковой материал). В результате проведенного исследования установлено, что изучение отражения в языке и речи метазыковой рефлексии имеет глубокие традиции. Их содержание нашло воплощение в значениях и контекстах употребления терминов, которыми обозначаются явления внутренней референции языка. Термины «метазык», «метатекст», «метатадискурс» не обладают принципиально различной денотативной отнесенностью. Наоборот, подтверждается гипотеза о том, что выбор и содержательные особенности указанных терминов продиктованы методологией проводимого исследования. Каждый из терминов соответствует определенному исследовательскому ландшафту: «метазык» – структуралистскому, «метатекст» – антропоцентрическому, «метадискурс» – когнитивно-дискурсивному.

Ключевые слова: *метазыковая рефлексия, метазык, метатекст, метадискурс, внутренняя референция, когнитивно-дискурсивная парадигма исследований*

Для цитирования: Кравченко М. А. *Метазык – метатекст – метадискурс: от термина к исследовательскому ландшафту* // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 4. С. 70–82.

Original article

METALANGUAGE – METATEXT – METADISCOURSE: FROM TERM TO RESEARCH LANDSCAPE

Mikhail A. Kravchenko

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. In modern linguistics, there is an interest in studying the phenomenon of reflection. The relevance of the research is determined by a combination of cognitive-heuristic, empirical and terminological factors. The paper clarifies the meaning of the terms *metalanguage*, *metatext*, and *meta-discourse*, establishes research and methodological contexts of their use, and identifies patterns between the use of the term and the empirical research base (linguistic material). As a result of the conducted research, it was found that the study of reflection in language and speech of metalanguage reflection has deep traditions. Their content is embodied in the meanings and contexts of the use of terms that denote the phenomena of the internal reference of the language. The terms “metalanguage”, “metatext”, “meta-tadiscourse” do not have fundamentally different denotative relatedness. On the contrary, the hypothe-

sis” is confirmed that the choice and content features of these terms are dictated by the methodology of the research. Each of the terms corresponds to a specific research landscape: “metalanguage” – structuralist, “metatext” – anthropocentric, “metadiscourse” – cognitive-discursive.

Key words: *metalanguage reflection, metalanguage, metatext, metadiscourse, internal reference, cognitive-discursive paradigm of research*

For citation: *Kravchenko M.A. Metalanguage – metatext – metadiscourse: from term to research landscape // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2024. Vol. 28, № 4. P. 70–82.*

Введение

В языке принято видеть зеркало действительности. Данная метафора укладывается как в научную картину мира лингвиста-профессионала, так и в наивную картину мира рядового носителя языка. Способность языка к внешней референции во многом определяет его коммуникативный потенциал. Однако уникальность языка как семиотической системы заключается в том, что он представляет собой феномен с «двойной онтологией»: механизм языка применим для реализации как внешней референции, так и внутренней. В последнем случае язык служит средством собственного познания и описания; таким образом он трансформируется в метаязык.

Возможность выхода языка на метауровень обеспечивается рефлексией – кардинальным свойством сознания. Именно рефлексия выполняет важнейшую функцию регулятора деятельности, программируемой сознанием. Регулятором речевой деятельности выступает метаязыковая рефлексия. Она помещает в «светлое поле» сознания языковые факты, процессы и категории, подвергает их анализу, способствует их экспликации и «осознанному» употреблению. Метаязыковая рефлексия образует психолингвистический субстрат метаязыка, так как «рефлексивность ... сознания обеспечивает основу (мета)когнитивных процессов и создает условия для использования метаязыка...» [Золотова, 2019, с. 57]. Широкий спектр функций метаязыковой рефлексии направлен на осуществление самых разнообразных ролей – от маркирования и преодоления случаев коммуникативного затруднения (конструкции гезитации, речевые маркеры эвфемизации/дисфемизации, семантизация в речи слов-агномимов и др.) до построения лингвистической теории *per se*.

Следует констатировать, что изучение рефлексии имеет многовековую исследовательскую традицию, зародившуюся в недрах философии и нашедшую отражение в рамках целого ряда онтологических и гносеологических направлений. В новой и новейшей истории статус главной науки, изучающей феномен рефлексии, приобрела психология. Вместе с тем внимание к этому феномену проявляют и другие гуманитарные науки. Так, в последние десятилетия предметный интерес к исследованию рефлексии обозначился и в лингвистике. Его причина кроется в том, что процессы рефлексии опредмечиваются с помощью знаковых средств, прежде всего средств естественного языка.

В настоящей статье мы обращаемся к проблеме изучения метаязыковой рефлексии. **Актуальность** предпринятого исследования определяется тремя факторами.

Первый мы условно назовем познавательной-эвристическим. Его суть состоит в том, что лингвистика долгое время основное внимание уделяла изучению особенностей внешней референции языка, именно с последней она связывала его обширные коммуникативные и когнитивные возможности. При этом исследования внутренней референции языка незаслуженно оставались на периферии лингвистической повестки. В ходе развития лингвистическая наука значительно расширила свое предметное поле, а изучение внутренней референции языка превратилось в одну из приоритетных областей научного поиска. В

настоящий момент можно говорить, что исследования метаязыковой рефлексии обладают значительным эвристическим потенциалом и приносят в науку новое актуальное знание.

Второй фактор имеет эмпирическую природу. Он связан с оценкой особенностей актуальной коммуникативной практики. В современной коммуникации ярко проявляется тенденция к увеличению объема метаязыковых высказываний. Рост количества метаязыковых контекстов наблюдается в разговорном, публицистическом, художественном, научном дискурсах. Более того, развитие некоторых дискурсивных практик напрямую определяется метаязыковой деятельностью говорящего. Такого рода практики характерны для сферы рекламы, связей с общественностью, интернет-коммуникации (особенно в жанре интернет-комментариев) и др. Поэтому высказывания с метаязыковым содержанием можно рассматривать в качестве активного коммуникативного явления, что, в свою очередь, предопределяет актуальность их изучения.

Наконец, третий фактор носит более частный, внутрилингвистический характер. Он заключается в том, что в лингвистике отсутствует кодифицированная система терминов для номинации и описания языковых единиц, в которых воплощаются результаты метаязыковой рефлексии. Понятийное содержание и специфика употребления терминов, связанных с описанием продуктов метаязыковой рефлексии, существенно варьируются в зависимости от методологического подхода, а иногда и от принадлежности ученого к определенной исследовательской школе. Термины *метаязык*, *метатекст*, *метадискурс*, *рефлексив*, *метаграмматика*, *металексика*, *метаймя*, *метапредикат*, *метасмысл* и многие другие с приставкой *мета-* не имеют в науке о языке общепризнанных дефиниций и могут употребляться в разных значениях, что в значительной степени осложняет решение задачи описания процессов и результатов метаязыковой рефлексии, а также построения общей теории метаязыка. Поэтому данный фактор предлагается называть терминологическим. Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется совокупностью познавательно-эвристического, эмпирического и терминологического факторов.

Объектом исследования выступают лингвистические работы, в которых изучаются продукты метаязыковой рефлексии (единицы метаязыка). Предметом исследования является терминологический аппарат, используемый лингвистами для описания процессов и результатов метаязыковой рефлексии.

Цель работы заключается в изучении содержательных особенностей терминов, связанных с описанием феномена внутренней референции. Основное внимание при этом будет уделено терминологической триаде *метаязык* – *метатекст* – *метадискурс*. В рамках достижения поставленной цели в работе планируется решение следующих задач: 1) уточнение значения терминов *метаязык*, *метатекст*, *метадискурс*; 2) установление исследовательских и методологических контекстов их употребления; 3) выявление закономерностей между использованием термина и эмпирической базой исследования (языковой материал).

В ходе настоящего исследования верификации подвергнется гипотеза о том, что выбор и содержательные особенности термина продиктованы методологией и предметной отнесенностью проводимого исследования.

Исследование и его результаты

Термин «метаязык» и связанные с ним исследовательские традиции

В дискурсе гуманитарных наук термин «метаязык» появился около ста лет назад. При этом впервые он был употреблен не в собственно лингвистиче-

ских исследованиях, а в работах польских и немецких логиков, опубликованных в 30-е гг. XX в. [Тарский, 1972; Carnap, 1964]. Понятие метаязыка позволяло логикам избегать семантических парадоксов, порождаемых в силу незамкнутости структуры языка, которая наделяет его способностью одновременно описывать внешний мир и выступать средством самоописания. Так, А. Тарский говорит о необходимости «проводить строгое различие между языком, который является предметом обсуждения и для которого мы намереваемся сформулировать дефиницию истины, и языком, на котором эта дефиниция должна быть сформулирована и изучены её приложения. Первый называется языком-объектом, а второй – метаязыком» [Тарский, 1972, с. 140]. Таким образом, в логике единицы языка и метаязыка принадлежат разным системам и не должны пересекаться. Тем самым логики искусственно преодолевают полифункциональность и асимметричность языковых знаков.

Первым лингвистом, заимствовавшим термин «метаязык» у логиков, стал Э. Хауген (исследование «Направления современного языкознания» он представил на заседании Лингвистического общества в Чикаго в 1950 г., несколько позже (в 1951 г.) его доклад был опубликован в журнале *Language*) [Хауген, 1960, с. 246]. В отличие от логиков американский лингвист видел в метаязыке язык лингвистической науки, прежде всего лингвистическую терминологию. Развитие лингвистической теории рассматривается им как борьба метаязыков. Э. Хауген стоял у истоков понимания метаязыка как специального научного конструкта, создаваемого и используемого с целью описания естественного языка. Зачастую для уточнения предметной отнесенности термина его называют метаязыком лингвистики.

Следует констатировать, что обозначенная традиция в понимании и, как следствие, в изучении метаязыка долгое время доминировала как в мировом, так и в отечественном языкознании, что отразилось при кодификации значения термина. Так, в большом энциклопедическом словаре метаязык трактуется как «язык “второго порядка”, по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как “язык-объект”, т. е. как предмет языковедческого исследования» [Гвишиани, 1998, с. 297]. Поэтому содержательно метаязык «представляет собой сложное явление, в основе которого, с одной стороны, лежат системные отношения между терминами, с другой – общенаучная лексика, т. е. те слова и словосочетания, которые используются при описании различных аспектов языковедческого исследования» [Гвишиани, 1998, с. 297].

В рамках рассматриваемой традиции термин «метаязык» может получать более широкое толкование. Так, в объем его понятия могут включать, помимо языка лингвистики, язык науки в целом, а также подязыки отдельных её отраслей. В таком случае принято говорить, например, о «метаязыке экономики», «метаязыке социологии», «метаязыке психологии», «метаязыке химии» и т. д. В отношении подобного употребления термина «метаязык» мы полностью разделяем замечание В. З. Демьянкова: «Выражения типа *метаязык науки, метаязык права* и т. п. вряд ли имеют референтом язык науки: это тот случай, когда метаязыком называют то, что более оправданно было бы назвать просто языком. Возможно, причиной этого переноса является представление о науке как о языке, с помощью которого мы описываем реальность. Такое представление о науке как о языке оправданно в случае описательного языкознания, но гораздо меньше – в случае медицины или физики» [Демьянков, 2011, с. 56]. Таким образом, рассматриваемая исследовательская традиция видит в метаязыке результат деятельности научного метаязыкового сознания. Несмотря на широкое распространение, она не является единственной.

Принципиально иная исследовательская традиция в изучении метаязыка опирается на труды Р. Jakobsona. Свои идеи в этой области ученый сформулировал в докладе, подготовленном для Американского лингвистического общества в 1956 г. [Jakobson, 1985]. Р. Jakobson смотрел на проблему метаязыка гораздо шире, чем его предшественники. Вступая с ними в полемику, он отмечал, что «метаязык – это не только необходимый инструмент исследования, применяемый логиками и лингвистами; он играет важную роль и в нашем повседневном языке ... мы пользуемся метаязыком, не осознавая метаязыкового характера наших операций» [Jakobson, 1975, с. 201–202]. Тем самым Р. Jakobson обозначил метаязык не как специальный конструкт, создаваемый в процессе научного изучения и описания языка, а как имманентную способность самого языка, использующего собственные ресурсы для самоописания и самоинтерпретации.

При таком подходе объем понятия «метаязык» значительно расширяется. В связи с этим в лингвистике наряду с пониманием метаязыка как специализированного конструкта утвердилось широкое понимание термина, которым стали обозначать «...все языковые средства, референт которых способен присутствовать в языке и речи», обладающие способностью «...эксплицировать все связанные с языком и его использованием явления, давать им метаимена и метаквалификацию» [Рябцева, 2005, с. 439].

Важно понимать, что становление термина «метаязык» в лингвистике происходило в эпоху господства структурализма. Как известно, в основе его методологии лежит принцип системоцентризма. Структуралисты воспринимали язык не как деятельность его носителей, а как продукт этой деятельности, обладающий важнейшим свойством системности, которое предопределило структурную организацию языковой субстанции. Полагаем, что именно этим объясняется наличие выраженной тенденции видеть в метаязыке именно метаязык лингвистики или иной науки. Научная (лингвистическая) терминология в силу её системности представляет собой релевантный объект познания с точки зрения методологических принципов и исследовательских технологий структурализма. При этом методологическая концепция этого направления оказалась гораздо менее пригодна для изучения метаязыка в широком, «якобсоновском» смысле термина. Действительно, изучение метаязыка как проявления обыденной метаязыковой рефлексии, как способности к выполнению операций перефразирования требует обращения к категориям функциональной грамматики и семантики, а также исследовательского выхода на уровень текста. Поэтому в структурализме практика исследования метаязыка связана прежде всего с описанием терминологических систем. Немногочисленные работы, посвященные метаязыку в широком понимании термина, сводились, как правило, к обсуждению общетеоретической проблематики. Расширение исследовательской практики с привлечением разнообразного эмпирического материала стало возможно уже после проникновения в лингвистическую науку методологических принципов антропоцентризма.

Термин «метатекст» и связанные с ним исследовательские традиции

Методология антропоцентризма позволила существенно сместить акценты в изучении метаязыковых ресурсов языка. Лингвисты увидели в метаязыке проявления так называемого человеческого фактора. Антропоцентрическая парадигма вывела на первый план рассмотрение метаязыка не как системы, а как метаязыковой деятельности носителей языка. Однако термин «метаязык» с уже устоявшимся структуралистским содержанием плохо вписывался в новую научную идеологию. Новая научная парадигма формировала запрос на новую

терминологию. В 70-е гг. XX в. А. Вежбицка ввела в научный оборот термин «метатекст» [Вежбицка, 1978], внутренняя форма которого отсылает к деятельностной природе и речевой, текстовой имплементации обозначаемого явления.

Целесообразность выделения метатекста в тексте обоснована наблюдениями А. Вежбицкой над гетерогенными компонентами в структуре текста. Исследовательница отмечала, что высказывания о предмете зачастую переплетаются нитями высказываний о самом высказывании. Метатекстовые нити развиваются параллельно с «основным» текстом [Вежбицка, 1978, с. 404]. Тем самым метатекст в понимании А. Вежбицкой и ее многочисленных последователей – это прежде всего «высказывание о высказывании». Тем не менее объем понятия «метатекст» значительно расширился в сравнении с объемом понятия «метаязык». А. Вежбицка не сводила метатекст к полноценным высказываниям, содержащим комментарии метаязыкового характера. Под категорию метатекста ею также подводились так называемые метаорганизаторы высказывания, разного рода маркеры субъективной модальности и оценки [Вежбицка, 1978, с. 409–420]. В дальнейшем объем понятия «метатекст» продолжил пополняться разнотекстными единицами – от таких обособленных от основного текста образований, как авторские (редакторские и др.) предисловия, авторские ремарки к репликам персонажей пьес, до глубоко инкорпорированных в ткань текста дискурсивных слов.

Знаменитое исследование А. Вежбицкой во многом способствовало отнесению темы метаязыка (метатекста) к числу важнейших проблем современного языкознания. Вместе с тем не было дано четкое определение термину, что заложило фундамент процесса его семантической дифференциации и в итоге привело к многозначности [Witosz, 2017, p. 107]. Большинство современных ученых сходятся во мнении, что в лингвистике отсутствует единый подход к пониманию метатекста [Гилева, 2009; Иванников, 2017; Пластинина, 2017; Кузнецова, 2021]. Общепринятой также является точка зрения, согласно которой к пониманию и исследованию метатекста может быть применен как широкий, так и узкий подход, или метатекст может рассматриваться как «текст в тексте» или «текст о тексте» [Кузнецова, 2021, с. 278]. При этом широкий подход («текст в тексте») «позволяет рассматривать метатекст как значимую структурно-семантическую единицу в составе целостного текста...», тогда как узкий подход («текст о тексте») «ориентирован на выявление метатекстовых операторов (маркеров) в составе высказывания» [Кузнецова, 2021, с. 278]. Инвариантом содержания узкого и широкого взгляда на метатекст является рассмотрение последнего в качестве определенного структурно-семантического образования, ориентированного на осмысление, пояснение и описание языкового кода, используемого в процессе порождения текстов различного происхождения и назначения.

Многозначность термина «метатекст» создала предпосылки для возникновения конкурентной среды, в которой альтернативные термины значительно потеснили «метатекст». Речь в первую очередь идет о термине «рефлексив», введенном в научный оборот И. Т. Вепревой. Рефлексив определяется автором как «относительно законченное метаязыковое высказывание, содержащее комментарий к употребленному слову или выражению» [Вепрева, 2005, с. 8]. Широкое распространение термина «рефлексив» используется некоторыми учеными в качестве аргумента в пользу рассмотрения перспектив развития металингвистики как динамики от метатекста к рефлексиву [Иванников, 2017].

Преимущества и недостатки терминов «рефлексив» и «метатекст» во многом определяются семантическим потенциалом, заложенным в их внутрен-

ней форме. Внутренняя форма термина «метатекст» предполагает, что метаязыковой комментарий является структурной единицей уровня текста. На практике (если не принимать к рассмотрению собственно лингвистические тексты) мы имеем дело с относительно небольшим количеством текстов или крупных фрагментов текста, содержание которых ориентировано на языковой код. Метаязыковой комментарий, как правило, воплощается на уровне предложения или даже словосочетания. Поэтому термин «рефлексив», внутренняя форма которого не отсылает нас к конкретному уровню языка (речевой деятельности), выглядит в этом смысле предпочтительнее. Его дополнительным преимуществом становится отсылка через внутреннюю форму знака к факту (результату) метаязыковой рефлексии, что прямо указывает на сущность обозначаемого явления. Вместе с тем у термина «рефлексив», употребляемого для обозначения метаязыковых контекстов в художественных произведениях, имеется один существенный недостаток. Его внутренняя форма (в отличие от термина «метатекст»!) не говорит о роли обозначаемых им явлений в формировании смыслового каркаса художественного текста. При этом рефлексивы в художественном тексте зачастую выполняют функцию специального кода, раскрывающего авторский замысел. Неслучайно целый ряд авторов видят в рефлексиве (метатексте) «своеобразные “ключи” для интерпретации текста» [Шумарина, 2011, с. 218], способ выявить понятийные и иного рода связи, формирующие целостность текста [Кузнецова, 2020], его интерпретативный потенциал [Карпухина, Смирнова, 2020], механизм распознавания авторских интенций [Байгарина, 2022].

В этой связи на актуальном этапе развития лингвистики уместно рассматривать термины «метатекст» и «рефлексив» не как синонимы, выбор которых определяется в зависимости от строения изучаемых единиц метаязыка или формируется под влиянием традиций научной школы (так, например, для представителей школы И. Т. Вепревой характерно использование термина «рефлексив», для ученых сибирской школы – термина «метатекст»), но как понятия, относящиеся к разным семантическим уровням текста. Рефлексивы представляют собой метаязыковой код, разворачивающийся на линейном уровне текста, вплетаясь в основное повествование в виде разного рода проявлений авторской рефлексии над единицами и фактами языка и речи. Рефлексивы образуют каркас метатекста, который представляет собой смысловую платформу, обеспечивающую трансляцию авторского (художественного) замысла текста [Кравченко, 2024].

Следует отметить, что исследования метатекстовых комментариев проводятся с привлечением разнообразного эмпирического материала. Поэтому термин «метатекст» с денотативной точки зрения гораздо объемнее термина «метаязык», которым, как нами отмечено выше, обозначались прежде всего результаты научной рефлексии над языком и речью. Термин «метатекст» в этом смысле гораздо «демократичнее» и может быть применен для обозначения фрагментов публицистических, художественных, научных, учебных, рекламных и других текстов.

Термин «метадискурс» и связанные с ним исследовательские традиции

В результате последовательного развития принципов антропоцентризма в лингвистической науке наметился переход к когнитивно-дискурсивной парадигме исследований. Следствием этого становятся изменения, происходящие в предметной области лингвистических исследований. Именно с данным фактом

мы связываем то, что в трудах по языкознанию термин «метатекст» вытесняется термином «метадискурс». Отметим, что понятие метадискурса было сформулировано в зарубежной лингвистике. Первенство в использовании указанного термина принято отдавать американскому семиотику и лингвисту З. Харрису, который видел в метадискурсе «способ понимания языка в использовании, представляющий попытки автора, создающего текст, помочь читателю лучше понять текст» [Цит. по: Золотухин, 2022, с. 36]. Идеи З. Харриса, имевшие ярко выраженную прагмалингвистическую направленность, получили глубокое осмысление и развитие в трудах зарубежных лингвистов [Vande Koop, 1988; Crismore, 1989; Nyland, 2005].

В отечественной лингвистике термин «метадискурс» получил распространение на рубеже тысячелетий, т. е. в период оформления когнитивно-дискурсивной парадигмы исследований. Широкое употребление термина способствовало его понятийному развитию и формированию многозначности. Несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных изучению содержания и релевантности использования указанного понятия [Федотова, 2012; Беляевская, 2016; Зайцева, 2020; Золотухин, 2022], проблема кодификации значения термина «метадискурс» далека от своего разрешения. Проведенный нами анализ работ, посвященных исследованию метадискурса, позволяет утверждать, что за термином закрепилось два основных значения. Причем подходы к пониманию метадискурса оказались содержательно очень близки подходам к определению метатекста (данный факт кажется нам вполне естественным в силу того, что термины «метатекст» и «метадискурс», несмотря на их принадлежность к различным методологическим рамкам исследования, описывают с разных сторон аналогичные категории языка, связанные с его способностью к внутренней референции). Поэтому метадискурс может рассматриваться как «дискурс в дискурсе» или «дискурс о дискурсе». Ниже мы последовательно охарактеризуем оба подхода.

Значительный этап на пути своего становления термин «метадискурс» преодолел в русле прагмалингвистики, что наложило отпечаток на его содержательные особенности. Большинство исследователей метадискурса связывают его не с трансляцией фактуальной информации, а с передачей прагматических смыслов, порождаемых субъектами коммуникации. Иными словами, метадискурс является не дискурсом о диктуме, а дискурсом о модусе. Ввиду того что модусная информация не всегда в эксплицитном, развернутом виде представлена в дискурсе, метадискурс позиционируется как дополнительный уровень коммуникации, который взаимодействует и переплетается с базовым уровнем – собственно дискурсом [Clark, 1996, p. 241]. Способность метаязыковой рефлексии формировать модусные категории и в целом актуализировать прагматическую сторону высказываний объясняется тем, что «...рефлексия над языком обязательно оборачивается рефлексией над субъектом его использования, говорящим...» [Рябцева, 2005, с. 454]. Тем самым в рамках данного подхода, преобладающего в современной лингвистике, метадискурс – это «дискурс в дискурсе». В метадискурсе сосредоточена, разворачивается и манифестируется информация прагматического характера, которая включается в поток смыслов статусно ориентированного (институционального) или лично ориентированного дискурса. Метадискурс «программирует» и описывает своеобразный диалог адресанта и адресата, происходящий на метауровне. Благодаря метадискурсу коммуникация трансформируется в метакоммуникацию.

Однако подход к пониманию метадискурса как «дискурса в дискурсе» не является единственным в современной лингвистике. Эволюция средств и кана-

лов коммуникации приводит к трансформации дискурсивных практик, появлению новых форм общения. Особенно показательна в этом отношении коммуникационная революция, вызванная использованием технологических возможностей сети Интернет и порожденных ею социальных сетей. Коммуникация в Интернете имеет многочисленные структурные и содержательные особенности. Одна из них состоит в широком употреблении метаязыковых высказываний. Ярким примером являются разного рода комментарии – своеобразные реплики-реакции на исходный текст. Деятельность по созданию комментариев может быть квалифицирована как метадискурс. Так, Б. Я. Мисонжников рассматривает использование комментариев в структуре медиапубликации как способ формирования метадискурса [Мисонжников, 2020]. Он считает, что понятие метадискурса значительно шире, чем то, что отведено ему в прагматингвистике: «оно охватывает глубинные области социальной, научно-познавательной, духовной, культурологической и многих других практик ... метадискурс – порождение человека и предмет его познавательной методологии» [Мисонжников, 2020, с. 268–269]. При таком подходе метадискурс мыслится как «дискурс о дискурсе».

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что изучение отражения в языке и речи метаязыковой рефлексии имеет глубокие традиции. Их содержание нашло воплощение в значениях и контекстах употребления терминов, которыми обозначаются явления внутренней референции языка. Термины «метаязык», «метатекст», «метадискурс» не обладают принципиально различной денотативной отнесенностью. Наоборот, в ходе работы была подтверждена гипотеза о том, что выбор и содержательные особенности указанных терминов продиктованы методологией проводимого исследования. Каждый из терминов соответствует определенному исследовательскому ландшафту: «метаязык» – структуралистскому, «метатекст» – антропоцентрическому, «метадискурс» – когнитивно-дискурсивному.

В заключение выскажем мнение о перспективах дальнейшего употребления терминов «метаязык», «метатекст», «метадискурс» в лингвистических исследованиях. С одной стороны, их использование зависит от выбора учеными методологической платформы. В эпоху доминирования антропоцентрической и когнитивно-дискурсивной парадигм исследований основное внимание лингвистов обращено к понятиям метатекста и метадискурса. С другой стороны, на использование терминов существенное влияние могут оказать новые парадигмальные изменения в лингвистической науке. Так, в последнее время просматривается тенденция к формированию так называемой интегральной парадигмы исследований, которая соединила бы в себе достижения системоцентрической и антропоцентрической парадигм [Постовалова, 2016; Дубровская, 2019]. Новая интегральная парадигма предполагает возврат к определенным взглядам на язык, а также к теоретическим положениям, свойственным структурализму (некоторые ученые интегральную парадигму предлагают называть «неоструктурализмом» [Золян, 2021]). Считаем, что такой подход стал бы релевантным для изучения метаязыковой рефлексии ввиду того, что вопросы метаязыка как системного явления не нашли до настоящего времени должного рассмотрения в лингвистической литературе. С позиций системности исследовались, как правило, только терминологические пласты лексики, т. е. проявления научной метаязыковой рефлексии. Обыденная метаязыковая рефлексия в данном отноше-

нии практически не исследовалась. В связи с этим понятие метаязыка в перспективе может получить «вторую жизнь» и обогатиться новым содержанием.

Список источников

- Байгарина Г. П.* Авторские интенции в художественном тексте сквозь призму метатекста // Русская литература в иностранной аудитории: сб. науч. ст. по итогам XIII Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. С. 256–265.
- Беляевская Е. Г.* К определению понятия «метадискурс» // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 24. С. 137–149.
- Вежицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402–424.
- Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
- Гвишиани Н. Б.* Метаязык // Языкознание: большой энцикл. словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 297–298.
- Гилева А. А.* Аспекты изучения метатекста в лингвистике // Изв. ВГПУ. 2009. № 10. С. 26–32.
- Демьянков В. З.* Метаязык как конструкт культуры // Под знаком «Мета»: материалы конф. «Языки и метаязыки в пространстве культуры». М.; Калуга: Эйдос, 2011. С. 54–63.
- Дубровская Т. В.* Научные парадигмы в современной отечественной и зарубежной лингвистике: сущность, динамика, философские основания // Научный диалог. 2019. № 9. С. 73–87.
- Зайцева А. В.* Понятие метадискурса в современной теории коммуникации // Новые горизонты русистики. 2020. № 9. С. 70–75.
- Золотова Н. О.* Рефлексивность обыденного сознания и естественный метаязык // Вопросы психолингвистики. 2019. № 4 (42). С. 50–61.
- Золотухин Д. С.* Язык-объект vs язык-инструмент: релевантность понятий метаязыка и метадискурса в лингвистических исследованиях // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 1. С. 31–37.
- Золян С. Т.* Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неоструктуралистского подхода // Вопросы языкознания. 2021. № 1. С. 121–141.
- Иванников Е. Б.* Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1. С. 337–347.
- Карпущина Т. П., Смирнова Е. П.* Интерпретативный потенциал метатекста в тексте (на материале романа Д. Тартт «Щегол» (The Goldfinch)) // Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований: сб. науч. тр. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т, 2020. С. 198–203.
- Кравченко М. А.* Конструктивный vs деструктивный метатекст в произведениях современной русской прозы // Вестн. ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2024. Т. 21, № 1. С. 34–41.
- Кузнецова А. В.* Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 9. С. 265–268.
- Кузнецова А. В.* Семиозис метатекста в художественной коммуникации // Балтийский гуманитар. журн. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 278–281.
- Мисонжников Б. Я.* Комментарий в структуре медиапубликации как субъект формирования метадискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электр. науч. журн. 2020. № 4. С. 267–282.
- Пластинина Н. А.* О современном состоянии проблемы метатекста в отечественной лингвистике // Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции: сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. М.: Профессиональная наука, 2017. С. 32–37.
- Постовалова В. И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания: в поисках интегральных парадигм. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.

- Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.
- Тарский А. Истина и доказательство // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 136–145.
- Федотова О. С. Понятие метадискурса в современной лингвистике // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17). С. 203–207.
- Хауген Э. Направления в современном языкознании // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. Вып. 1. С. 244–263.
- Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 328 с.
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
- Carnap R. Foundations of logic and mathematics // International Encyclopedia of united science. Vol. 1: 143-171. Repr. // The structure of language: Readings in the philosophy of language / Ed. by J. A. Fodor, J. J. Katz. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1964. P. 419–436.
- Clark H.H. Using Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 432 p.
- Crismore A. Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act. N. Y.: Peter Lang Publishers, 1989. 235 p.
- Hyland K. Metadiscourse: Exploring interaction in writing. L.; N. Y.: Continuum, 2005. 230 p.
- Jakobson R. Metalanguage as a linguistic problem // Contributions to Comparative Mythology. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 1985. Vol. VII. P. 113–121.
- Vande Kopple W.J. Metadiscourse and the Recall of Modality Markers // Visible Language. 1988. Vol. 22 (2). P. 233–272.
- Witosz B. Metatext in the Discourse of the Theory of Text, Stylistics and Pragmalinguistics // Forum Lingwistyczne – Forum of Linguistics. 2017. № 4. P. 107–112.

References

- Baigarina G.P. (2022). Author's research in the field of public administration. *Russian literature in a foreign audience*. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University, pp. 256-265. (In Russian).
- Belyaevskaya E.G. (1978). To the definition of the concept of “meta-discourse”. *Cognitive Studies of Language*, iss. 24, pp. 137-149. (In Russian).
- Carnap R. (1946). Foundations of logic and mathematics. International Encyclopedia of united science. Vol. 1: 143-171. Repr. *The structure of language: Readings in the philosophy of language*. J. A. Fodor, J. J. Katz (Eds.). Englewood Cliffs, Prentice-Hall, pp. 419-436.
- Clark H.H. (1996). *Using Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 432 p.
- Crismore A. (1989). *Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act*. New York, Peter Lang Publishers, 235 p.
- Demyankov V.Z. (2011). Metalanguage as a construct of culture. *Under the sign of “Meta”: Materials of the conference “Languages and metalanguages in the space of culture”*. Moscow, Kaluga, Eidos, pp. 54-63. (In Russian).
- Dubrovskaya T.V. (2019). Scientific paradigms in modern Russian and foreign linguistics: essence, dynamics, philosophical foundations. *Scientific Dialogue*, no. 9, pp. 73-87. (In Russian).
- Fedotova O.S. (2012). The concept of meta-discourse in modern linguistics. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, no. 6, pp. 203-207. (In Russian).
- Gileva A.A. (2009). Aspects of the study of metatext in linguistics. *Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University*, no. 10, pp. 26-32. (In Russian).
- Gvishiani N.B. (1998). Metalanguage. *Linguistics*. The Great Encyclopedic Dictionary. Moscow, The Great Russian Encyclopedia, pp. 297-298. (In Russian).
- Haugen E. (1960). Directions in modern linguistics. *New in linguistics*. Moscow, Publishing House of Foreign Literature, iss. 1, pp. 244-263. (In Russian).
- Hyland K. (2005). *Metadiscourse: Exploring interaction in writing*. London; New York, Continuum, 230 p.

- Ivannikov E.B. (2017). Linguistic reflection: from metatext to reflexive. *Problems of History, Philology, and Culture*, no. 1, pp. 337-347. (In Russian).
- Jakobson R. (1975). Linguistics and poetics. *Structuralism: "for" and "against"*. Moscow, Progress, pp. 193-230. (In Russian).
- Jakobson R. (1985). Metalanguage as a linguistic problem. *Contributions to Comparative Mythology*. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, vol. VII, pp. 113-121.
- Karpukhina T.P., Smirnova E.P. (2020). The interpretative potential of metatext in the text (based on the material of D. Tartt's novel "The Goldfinch"). *Questions of philology and translation studies: directions and prospects of modern research*. Collection of scientific papers. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University, pp. 198-203. (In Russian).
- Kravchenko M.A. (2024). Constructive vs destructive metatext in the works of modern Russian prose. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"*, vol. 21, no. 1, pp. 34-41. (In Russian).
- Kuznetsova A.V. (2020). Metatext in a literary text: pragmatics and functions. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, vol. 13, iss. 9, pp. 265-268. (In Russian).
- Kuznetsova A.V. (2021). Semiosis of metatext in artistic communication. *Baltic Humanitarian Journal*, vol. 10, no. 2 (35), pp. 278-281. (In Russian).
- Misonzhnikov B.Ya. (2020). Commentary in the structure of media publication as a subject of meta-discourse formation. *The World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*, no.4. pp. 267-282. (In Russian).
- Plastinina N.A. (2017). On the current state of the problem of metatext in Russian linguistics. *Literary studies and linguistics: modern transformations and traditions*. Collection of scientific papers based on the materials of the I International Scientific and Practical Conference. Moscow, Professional Science, pp. 32-37. (In Russian).
- Postovalova V.I. (2016). *The science of language in the light of the ideal of integral knowledge: in search of integral paradigms*. Moscow, LENAND, 272 p. (In Russian).
- Ryabtseva N.K. (2005). *Language and natural intelligence*. Moscow, Academia, 640 p. (In Russian).
- Shumarina M.R. (2011). *Language in the mirror of a literary text (Metalanguage reflection in works of Russian prose)*. Moscow, FLINTA: Science, 328 p. (In Russian).
- Tarsky A. (1972). Truth and proof. *Questions of Philosophy*, no. 8, pp. 136-145. (In Russian).
- Vande Kopple W.J. (1988). Metadiscourse and the Recall of Modality Markers. *Visible Language*, vol. 22(2), pp. 233-272.
- Vepreva I.T. (2005). *Linguistic reflection in the post-Soviet era*. Moscow, OLMA-PRESS, 384 p. (In Russian).
- Wierzbicka A. (1978). Metatext in the text. *New in foreign linguistics. Linguistics of the text*. Moscow, Progress, iss. VIII, pp. 402-424. (In Russian).
- Witosz B. (2017). Metatext in the Discourse of the Theory of Text, Stylistics and Pragmalinguistics. *Forum Lingwistyczne - Forum of Linguistics*, vol. 4, pp. 107-112.
- Zaitseva A.V. (2020). The concept of meta-discourse in the modern theory of communication. *New Horizons of Russian Studies*, no. 9, pp. 70-75. (In Russian).
- Zolotova N.O. (2019). Reflexivity of everyday consciousness and natural metalanguage. *Questions of Psycholinguistics*, no. 4, pp. 50-61. (In Russian).
- Zolotukhin D.S. (2022). Language-object versus language-introduction: a largely understandable language and meta-discourse in linguistic research. *Topical Issues of Modern Psychology and Statistics*, no. 1, pp. 31-37. (In Russian).
- Zolyan S.T. (2021). How to reconcile Luhmann with Saussure: the principle of intra-system differentiation as the basis of the neostructuralist approach. *Questions of Linguistics*, no. 1, pp. 121-141. (In Russian).

Сведения об авторе

Кравченко Михаил Александрович – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры массовых коммуникаций и прикладной лингвистики, mak@rgups.ru

Information about the Author

Mikhail A. Kravchenko – Ph.D. in Philology, associate professor of the Department of the Masscommunication and Applied Linguistics, mak@rgups.ru

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 03.10.2024.

The article was submitted 18.05.2024; approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 03.10.2024.